

Большой Театр - 2001 -
март (№ 1) - с. 14

КАФКА НА ОПЕРНОЙ СЦЕНЕ

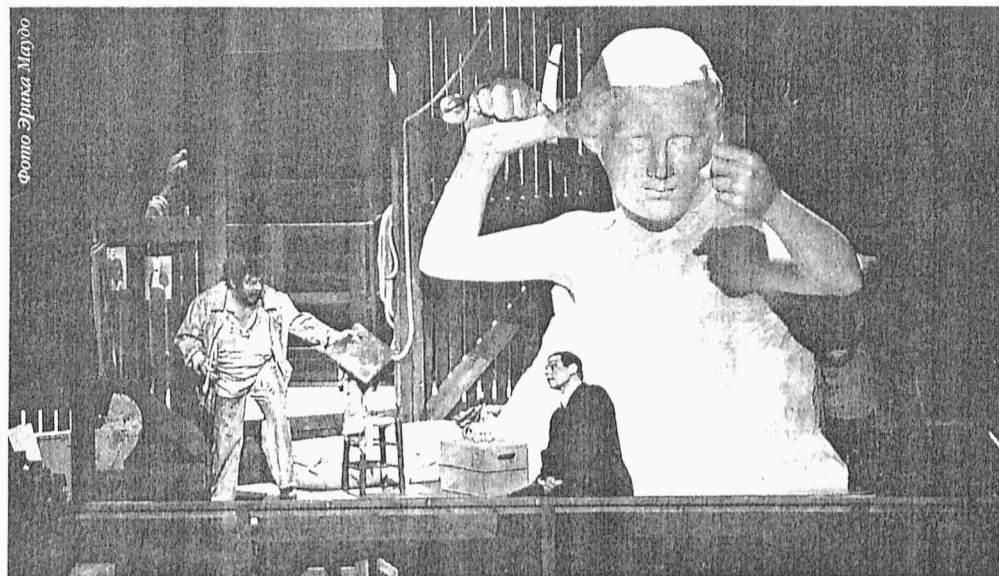
ФИЛИПП МАНУРИ «К». ПАРИЖСКАЯ ОПЕРА. ПРЕМЬЕРА — 7 МАРТА.

7 марта на сцене Оперы Бастий состоялась мировая премьера оперы «К» Филиппа Манури. Директор Парижской Оперы Юг Валь заказал новую партитуру по «Процессу» Франца Кафки. История абсурдного обвинения и казни героя, по имени Иосиф К., предстала в произведении 19-летнего французского композитора, который сегодня является одним из активных лидеров компьютерного симфонизма.

Новую оперную партитуру композитор написал для классического оркестра и электронной техники, созданной в IRCAM (Институте по исследованию и координации акустики и музыки, с которым Манури плодотворно сотрудничает уже 20 лет). Для управления сложной музыкальной структурой приглашен известный американский дирижер Дэниел Рассел Дэвис. В представлении оперы участвовал и сам композитор: он находился на первом балконе зрительного зала перед пультом и регулировал силу звука шестнадцати усилителей. Искусно расположенные в зале, они формируют многочисленные акустические эффекты. Например, через усилители звучат заранее записанные синтетические шумы и звоны, крики и стоны, смех и скрежет, урчание и щебет, сполохи птиц, свист хлыста и щелканье печатной машинки. Они нагнетают атмосферу конмара и абсурда. Особое впечатление производит потусторонний голос виртуального хора. С помощью техники IRCAM по ходу спектакля создаются соборная акустика и вибрирующее эхо, динамическая объемность и завихрение звуков, шокирующая трансформация голосов певцов. Однако все тринадцать солистов поют свои партии без микрофонов, ибо композитор предпочитает живые, природные голоса.

Текст оперы с обилием диалогов частично замаскирован на предшествующих театральнотрагических адаптаций сочинения Кафки. Либреттист Бернар Потра и постановщик Андре Анжель написали текст по-французски, затем были сделаны перевод на немецкий и запись в исполнении драматических артистов. Композитор и дирижер внесли ряд поправок, чтобы немецкий текст был удобным для пения. Для удобства парижской публики на субтитрах синхронно идет текст по-французски.

Спектакль начинается с напряженного пролога с обилием акустических эффектов, которые сразу привлекают слушателей на весьма оригинальное оперное действо. Однако в прологе вначале ощущается некоторый разрыв между звучанием оркестра и акустиче-

Сцена в мастерской художника

ской техники. Постепенно он исчезает, и при этом рождается удивительная гармония инструментальной и электронной музыки, воспроизводимой в таком широком диапазоне частот, с такой объемностью и красочностью, что у слушателя возникает фантастическое ощущение присутствия в некоем иллюзорном виртуальном мире, в котором звуки находятся в сложнейшей динамике и, несмотря на кажущийся хаос, подчинены математически-строгой интерпретации.

Богатый, насыщенный спектакль был поставлен всего за шесть недель. Работу возглавил известный французский режиссер Андре Анжель в содружестве с американским сценаристом Никки Риети. Опера идет без антракта около 100 минут: 12 сцен предстают в пяти местах действия. Это банк и дом, где работает и живет герой, мастерская художника, домашний кабинет адвоката и судебный зал. Каждая картина поражает достоверным воспроизведением европейских интерьеров эпохи Кафки. В тщательно выполненных декорациях ощущается атмосфера сталинских или нацистских процессов.

Несмотря на фрагментарную концепцию, произведение захватывает развитием драматургии. Частая смена картин вносит в представление кинематографическую динамику. Например, сцены в коридоре дома К. прохо-

дят на неглубокой, узкой и длинной площадке, зависающей в темном пространстве над сценой, словно фрагмент жилого этажа. Мастерская художника Титорелли занимает только правую половину сцены, но сразу в два этажа. Эта сложная конструкция из деревянных балок представляет интерес большой и очень загроможденной голубятни, в центральной части которой находится гигантская белая статуя.

Особенно впечатляет огромный во всю сцену судебный зал с высоким ажурным потолком. Здесь есть эстрада с киноэкраном и кариатидами, широкий партер с множеством венских стульев и нависающий по периметру бельэтаж. В центре зала стоит донатоппная киноустановка, через которую дважды проецируют фрагменты эротических фильмов начала века. В этом просторном зале проходит судебный процесс над К., и финальная сцена его публичной казни, которая поставлена очень эффектно. На эстраду, где вместо экрана стоят два стола с зеркалами и электролампами, как в артистических гримерных, поднимаются два лысых мясника в белых майках и длинных шароварах. Словно сверкая религиозный образ, они, стоя спиной, переодетые в черные фрак и, одев высокие цилиндр, поворачиваются лицом к публике, которая собралась, как на спектакль, в чопорно-элегантных

нарядах. В этот момент на них направляют яркий луч прожектора, как на фокусников в цирке. В руке одного из палачей сверкает длинный кинжал. Герой выкрикивает последнюю фразу: «Закололи как собаку», и падает от смертельного удара кинжала. Публика в знак глубокого удовлетворения бросает цветы к эстраде, где была представлена кровавая кара.

Декорации спектакля хорошо сбалансированы между исторической действительностью и символическим вымыслом. Они поражают мельчайшими деталями в оформлении всех интерьеров и особенно двухэтажного зала банка, где учтены не только многочисленные атрибуты финансового учреждения, но не забыты даже черные парусинки у служащих, которые делают расчеты на большой стеновой табличке. Особых похвал заслуживает и световое решение спектакля (автор — Андре Дюю). Искусно составленная световая палитра точно передает даже время суток. Например, одна сцена в коридоре проходит с дневным освещением, другая — при горящих на стене желтых бра, указывающих вечернее время. Необычайно красиво освещен судебный зал, когда через боковые окна на противоположную стену падают золотистые лучи заходящего солнца, и на их фоне проступают причудливые тени.

При всем великолепии сценического, декорационного и светового решений, главным достоинством спектакля является музыка. Чрезвычайно сложная партитура крайне трудна для пения. Все солисты не только прекрасно справились со своими партиями, но также создали очень яркие сценические образы. Каждый персонаж имеет свою музыкальную индивидуальность и вокальный стиль. Разнообразные оркестровые и акустические эффекты помогают понять суть персонажей и их отношения. Первый раз К. выходит на сцену под барабанную дробь, словно акробат под куполом цирка перед смертельным прыжком. Оглушительные звуки тромбонов оповещают об аресте К., стремительные галлоны струнных передают состояние человека, которого преследуют, обвиняя в заговоре.

Звучание оркестра настолько органично переплетается с электронными звуками, что нужно долго ждать, чтобы ощутить, где происходит их наложение. Несмотря на насыщенность партитуры электронной музыкой, у оркестра есть много великолепных фрагментов, которые он исполняет блестяще.

ВИКТОР ИГНАТОВ